МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ
имени К.Г. РАЗУМОВСКОГО (ПКУ)

Дмитрий Володихин

ПРАВОСЛАВИЕ НА КАМЧАТКЕ. МЕЖДУ КАЗАКОМ И СВЯЩЕННИКОМ

Москва
«Снежный Ком»
2026

УДК 27-9
ББК 86.372.24-3
В68

Издание подготовлено к печати в 2022 году, после долгой работы в стенах Издательского совета Русской Православной Церкви, под общим руководством митрополита Калужского и Боровского Климента. Впоследствии доработано в Московском государственном университете технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

Володихин Д.М.
Православие на Камчатке. Между казаком и священником. – М.: «Снежный Комм», 2026.

Читатель, издание, которое лежит перед тобой, – просветительское. Долгая и трудная история утверждения христианства на Камчатке, от времен казаков-первопроходцев до времён современного восстановления Церкви, полна срывов и поражений. Но дух просветительского энтузиазма не оставлял миссионеров. И христианство, пройдя через тернии активного противодействия поднялось здесь к звездам обретения веры. Вот о чем эта книга.

ISBN 978-5-6055719-5-7

УДК 27-9
ББК 86.372.24-3

© Володихин Д.М., 2026
© МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), 2026
© «Снежный Ком М» (ИП Штепин Д.В.), 2026

Содержание

Глава 1. Заря и полдень христианской эры.
Православие на Камчатке с XVIII века до 1917 года 4

Глава 2. Спуск в сумерки.
Православная Церковь на Камчатке в годы
Гражданской войны и в советское время 29

Глава 3. Выход к свету.
Возрождение Православия на Камчатке.
Церковь в наши дни 41

Приложение.
История учреждения и изменения статуса
Петропавловской и Камчатской епархии..... 53

Глава 1. Заря и полдень христианской эры. Православие на Камчатке с XVIII века до 1917 года

Россия пришла на Камчатку под рокот ружейных выстрелов, звон сабель и звучные команды казачьих атаманов. В боях и переговорах шло освоение Камчатки. Но вслед за реальностью пороховой гари очень быстро приходила реальность крестов на главках православных храмов, реальность колокольного звона, молитв и бесед о Боге. Что в большей степени привязало Камчатку к России? Герой-казак, исполняющий роль землепроходца, или тихий священник, претендующий на роль просветителя? Фузея, разившая свинцом, или голос проповедника? Думается, одной материальной силой, тем более, одной силой оружия, никого привязать невозможно. Если бы помимо неё не была приложена сила духовная, не быть Камчатке в составе нашей страны…

Труды духовенства по проповедованию веры Христовой начались еще при Петре I. Священники, след в след за первопроходцами-казаками направлялись в доселе незнаемые земли, чтобы нести туземцам свет Истины. Иной раз, им приходилось жить в очень тяжелых условиях, рисковать здоровьем и жизнью, но дело они свое делали.

Православие на Камчатке распространялось волнами. Укрепление его на пограничной земле Российской империи зависело от много: сколь сильна русская власть, ведь именно она служила проводником христианизации; сколь много грамотных, готовых к делу проповеди священнослужителей живет на Камчатке; и, главное, от наличия энергичной, самоотверженно преданной Господу Богу личности, способной взять на себя упорное и бескорыстное утверждение Христовой веры среди местных народов.

Главными препятствиями для миссионера XVIII—XIX веков были, во-первых, языковой барьер, во-вторых, немирные намерения аборигенов (а такое случалось), и, в-третьих,

безобразия, которые из корыстолюбия творились местными служилыми людьми, порой вынуждавшими аборигенов браться за оружие или же просто провоцировавшими неприязненное отношение ко всем русским, включая священников. Первоначальный контингент служилых людей на Камчатке, отличался крайне низкими моральными качествами, поскольку в значительной мере, помимо казаков, состоял из ссыльных уголовников, часто терроризировавших местное население. Лишь в 30–40-х годах XVIII века центральной власти удалось обуздать их своеволие и, таким образом, создать приемлемые условия для миссионерской деятельности.

Бывали «полосы», когда уже укрепившееся было на Камчатке Православие ослабевало, и местные народы возвращались к языческим обычаям. Впоследствии подобные рецидивы приходилось преодолевать упорным каждодневным трудом новой волны миссионеров.

Как пишет историк и краевед А. Белашов, порой «…священники становились на защиту угнетенных и обманутых коряков, ительменов, чукчей, являя собой совесть великого русского народа. Неся веру, они становились светочами грамотности и образованности, строили не только храмы, но и школы, переводили слово Божие на языки аборигенных народов, совершали богослужения, приобщая их к великой духовной сокровищнице Вселенского Православия».

Всё так. Священник первым понимал важнейший принцип устроения Российского государства: крещеный «инородец» становится столь же полноправным, как и русский. Перед законом они равны, этническая принадлежность не играет роли. А приказной человек или казак, приходившие на Камчатку как завоеватели и победители, долгое время относились к местным народам, прежде всего, как к побежденным и, соответственно, источнику дохода. Это были совсем не те казаки, каких Россия знает по временам атамана Платова, это настоящие русские викинги XVII—XVIII

веков: предприимчивые, бесшабашно отважные, могучие, свирепые, наделенные несгибаемой волей к победе и, в то же время, беспощадным отношением к врагу.

Казаки тех времен, безусловно, христиане, притом крепкие в вере. Но совсем не обязательно готовые рассматривать христианство как дар, предназначенный Богом для всех народов. Перед ними вовсе не стояла задача просвещать, их делом было взять землицу и удержать её. А вот давать ли Христову веру местным жителям, – вопрос, не имеющий для казаков однозначного ответа. Точно ли не осквернится от того светлая Христова вера?

Однако нельзя и демонизировать русскую власть, русского купца, тем более, русского казака, как это порой делается в публицистической литературе. Если б не казак, если б не государев служилый человек, действующий от имени царя, никогда бы не пришла Христова вера на Камчатку. Да, случалось так, что иерею приходилось быть ходатаем перед властью за обиды аборигенов. Но случалось и так, что казак спасал священника от смерти, когда местные народы, бунтуя, приходили к храму с оружием, а не с молением. Их ведь тоже неправильно было бы идеализировать: гнев, властолюбие и корыстолюбие – страсти, общие для всех народов...

Ничего на Камчатке не давалось легко. Это земля, на которой сорняки легко душили добрый злак, если поле надолго оставалось без пригляда. А благих возделывателей тут всегда не хватало. Тем величественнее здание веры, которое всё-таки удалось тут построить к началу XX столетия.

Присоединение Камчатки к России началось во второй половине XVII столетия. И на протяжении нескольких десятилетий и речи не шло о какой-либо целенаправленной миссионерской работе в этом краю, о распространении христианства.

Первым из русских людей на Камчатке оказался спутник Семена Дежнева в его плавании вокруг Чукотского полуострова (1648) Федот Алексеев Попов, судно которого

во время бури, по некоторым сведениям, было выброшено на Камчатку, где он и его товарищи вскоре погибли.

Заслуживает внимания еще одна, вполне правдоподобная версия – о посещении полуострова в 1658 году казаком Иваном Камчатым «с товарищи» и о том, что его именем вначале была названа река, а потом название перешло на весь полуостров.

Тогда же, в 1650-х годах, при царе Алексее Михайловиче, тут побывал и первопроходец Михаил Васильевич Стадухин. Он также поставил острог в устье реки Тауй (недалеко от нынешнего Магадана). Подлинно великий русский человек. Помор, сделавшийся вождем служилых казаков.

Позднее, в течение полувека, разные казачьи отряды являлись на Камчатку, объясачивали местное население, иногда сражались с ним. Более всего сведений о походах Ивана Рубца, побывавшего тут в 1662 году и Луки Морозко, добравшегося до Камчатки в середине 1690-х.

Лишь при Петре I, в последние годы XVII – начале XVIII столетия происходит завоевание Камчатки и ее присоединение к России. Сделал это «камчатский Ермак» Владимир Владимирович Атласов.

Этот землепроходец в 1697 году установил деревянный крест в верховьях земли Камчатки. Этот акт не только символизировал присоединение полуострова к России, но и наверняка означал, в глазах русских людей того времени, очищение приобретенной «землицы» от сил бесовских и всякой нечисти. А день установки креста – 13 июля – вряд ли случайно совпал с днём небесного покровителя главы экспедиции.

Первые годы обладания Камчаткой не были мирными: история врастания Камчатки в Россию усеяна боями, бунтами, горящими острогами. Страшные эпидемии губили первых русских поселенцев во множестве. В полной мере власть России утвердилась здесь лишь по прошествии целого века: на исходе XVIII столетия или даже на заре XIX.

На этом фоне, конечно же, православие укоренялось в этом краю с чрезвычайной сложностью.

По словам современного историка миссионерской деятельности Русской Церкви на Камчатке Н.В. Солодовой, «вместе со служилыми людьми, разделяя с ними все тяготы нелегкого существования, продвинулись на Камчатку первые миссионеры. В ряде источников упоминается имя первого миссионера архимандрита Мартиниана, прибывшего на Камчатку в 1705 г[1]. Упоминаются и другие священники: Петров (1711 г.), Бурцев (1712 г.), иеромонах Игнатий, более известный как служилый человек (казак) Иван Козыревский (1718 г.), священник Ермолай Иванов (1728 г.), оставившие след в развитии миссионерского движения на полуострове… Благодаря миссионерской деятельности, к 1740 г. на Камчатке было три церкви и, по одним данным, окрещено 878 душ…, по другим, с 1733 по 1741 г. было крещено 902 коренных жителя. Из них 24 человека в Охотске, 272 – в Большерецком остроге, 497 – в Верхне-Камчатском и 109 – в Нижне-Камчатском острогах… Способствовало становлению православия на полуострове и то, что в отношении первокрещенных велась покровительственная политика: мужчины освобождались от ясака на 10 лет, дети обучались в школе, женщины, принявшие христианство, выходили замуж за русских казаков».

Упомянутый архимандрит Мартиниан крестил около сотни представителей местных народов. Он погиб на Камчатке в 1717 или 1718 году. Итог его деятельности скромный, но ведь и возможностями он обладал очень незначительными: ни грамотных людей, ни денег. Русских служилых людей в крупных камчатских острогах жило всего-то по несколько десятков человек на крепость…

Главное же – искра православного миссионерства впервые пала на Камчатскую землю. Поэтому вовеки славно имя архимандрита Мартиниана.

---

[1] По другим сведениям, он уже был в 1705 году на Камчатке, но, в любом случае, прибыл туда в первые годы XVIII века. Отправил его митрополит Тобольский Филофей, поскольку на тот момент православная Камчатка входила в состав Тобольской епархии и и лишь с 1733 года она вошла в состав новой епархии – Иркутской– Иркутской и Нерчинской.

Первый православный храм на Камчатке появился в 1713 году, в Нижнекамчатском остроге. Воздвиг его дворянин Иван Енисейский. Храм был освящен во имя святого Николая Чудотворца иеромонахом Иосифом (Лазаревым), присланным из Тобольска. Сам же Иван Енисейский годом позже был заживо сожжен во время восстания юкагиров в Акланском острожке.

Мы сейчас привыкли, что главный центр Камчатки, его столица, столица региона — это Петропавловск. Но изначально, конечно, особую роль сыграл Нижнекамчатский острог, появившийся намного раньше. Там возник первый камчатский монастырь. Его создал служилый человек дворянской крови, принявший, волей судеб, положение служилого казака, а потом постригшийся в монахи с именем Игнатий, – Иван Петрович Козыревский. Позднее его рукоположили во иеромонаха, скончался в 1734 году.

Козыревский прожил бурную жизнь.

Вот уж это был казак так казак! Несчитанное количество боев, участие в разного рода бесчинствах, смертельно опасные походы на службе государевой, дальние плавания, подвиги землепроходчества, совершенные в стремлении заслужить прощение за прежние безобразия… Козыревский прошел школу невероятно смелого и, в то же время, свирепого воина, Владимира Атласова. Он был есаулом у той группы казаков, которые, устав терпеть жестокий нрав Атласова, взбунтовались против него и убили вожака. Специалисты считают, что в их намерения входило разграбить богатое имущество Атласова. А потом служилые люди разгромили поднявшихся против них с оружием в руках аборигенов…

О христианстве тогда заботились, мягко говоря, умеренно. Но оно постепенно уже разгоралось на этой дальней окраине Московского царства, превращающегося в Петербургскую империю.

И одним из крестителей Камчатки оказался казак, отважный и сильный. Наверное, другому бы не очень-то и удалось бы сдвинуть дело крещения с места. Вот, например,

тот же благочестивый Мартиниан… всем хорош! Но недолго ему дала Камчатка оставаться в живых. Козыревский принял монашеский постриг. Есть предположение, что постригал его именно архимандрит Мартиниан незадолго до своей гибели. На собственные средства Козыревский основал Нижнекамчатскую Успенскую пустынь – как филиал Якутского Спасского монастыря. При пустыньке был приют, по словам самого Козыревского, «ради прибежища ко спасению беспомощным и старым, и дряхлым, и раненым служилым людем, которые не имеют где головы подклонить».

Он был человеком, с одной стороны, сильной веры, с другой стороны — сильных страстей. У него чрезвычайно бурная биография. Что ж, таково время! Да и место – Камчатка, пылающая вооруженными конфликтами…

Нормально, когда всё неистовство в биографии человека проходит, когда он становится иноком. У Ивана Петровича, у иеромонаха Игнатия, это неистовство в его судьбе, это кипение нрава не прекратилось. Он вступил в конфликт с церковных начальством, оказался под стражей, в конечном итоге попал в тюрьму… с 1720 года не бывал больше на Камчатке.

Основанная им Успенская пустынь просуществовала несколько около двух десятилетий.

Положение дел на Камчатке значительно улучшила 2-я Камчатская экспедиция Витуса Беринга. В Авачинской бухте им в 1740 году был заложен город, который впоследствии станет Камчатской столицей, – Петропавловск[2]. Вскоре появился тут и первый храм, куда офицер экспедиции Алексей Ильич Чириков пожертвовал свою «походную церковь» во имя Рождества Пресвятой Богородицы. При храме остался корабельный диакон Филипп Волков, ставший впоследствии священником.

А священник экспедиции, иеромонах Дамаскин, крестил тогда 90 ительменов.

[2] Изначально – Петропавловский острог, Петропавловская гавань.

Но в целом христианизация полуострова шла крайне медленно. Несколько ускорилась она в середине века. Ее подтолкнуло исключительно важное для судеб камчатского православия событие.

Указом Сената от 2 января 1742 года на Камчатку предписывалось отправить новую миссию (предыдущая до полуострова не добралась). Главой её был назначен иеромонах Иоасаф (Хотунцевский), возведенный в сан архимандрита Камчатского. В миссию вошли также два иеромонаха, иеродиакон семь студентов из Славяно-греко-латинской академии, избранные для преподавания в школах для новокрещеных и письмоводства. Синод утвердил инструкцию для Камчатской духовной миссии, в которой, в частности, определил: «Никаких не употреблять насильственных мер к привлечению иноверцев к крещению, но располагать к тому кротким и постоянным убеждением и объяснением заслуг Искупителя». До Камчатки миссия добралась в 1745 году.

Архимандрит Иоасаф открыл школы для казачьих и камчадальских детей, посадив за одну парту русских и нерусских мальчиков. Всего за время его пребывания на полуострове появилось 12 новых школ, и еще три учреждены стараниями его помощников после того, как глава миссии отбыл. Это был великий шаг, очень значимый для христианизации полуострова. Пройдет некоторое время, и из числа учеников приходских школ вырастут первые иереи туземного происхождения.

Сам глава миссии и его сотрудники много ездили по Камчатке, проповедуя веру Христову, общались с представителями местных народов, выказывали внимание к их обычаям и нуждам. И камчатские аборигены именно тогда начали принимать крещение тысячами, о чем до архимандрита Иоасафа и подумать было трудно. Строятся четыре новые церкви (плюс одна за пределами Камчатки, в Охотске) и молитвенные дома (один из них позднее станет храмом).

Православие распространилось на Курильские острова, где появились часовня и школа.

Впрочем, работа миссионеров была сопряжена с опасностью: порой они гибли от рук восставших туземцев… Среди коряков, упорнейших противников крещения, порой вспыхивали идеи совершенно истребить православие и вернуться к язычеству. Так что положение священника на Камчатке, тем более, положение священника-миссионера время от времени наполнялось смертельным риском. Вот тут-то Бог если и посылал священнику спасателя, то спасатель почти непременно оказывался казаком… Тем не менее, Миссия продолжает свою деятельность до 1762 года. В 1750 году ее глава покидает Камчатку, оставив там впечатляющие следы своей работы, и еще 12 лет миссия уже под иным руководством движется по той колее, которую проложил первый ее начальник.

Миссионерские труды Иоасафа (Хотунцевского) и его помощников, поистине подвижнические, дали достойный результат. На 1766 год во всех камчатских приходах числится 7 храмов и 9959 прихожан.

После архимандрита Иоасафа миссией руководил архимандрит Пахомий, ранее иеромонах из состава миссии, а после него – протоиерей Стефан Никифоров, прибывший также с миссией, как студент. Вместо миссии на полуострове образовалась «проповедническая свита», которой подчинились все приходы, все церковно-приходские школы и всё духовенство.

К сожалению, дело евангельской проповеди на Камчатке оказалось поколеблено после того, как прекратилась работа Духовной миссии. Светское начальство не сочувствовало действиям духовенства, унижало и разоряло его представителей, закрывало школы. Жестоко пострадал отец Стефан Никифоров. Христианизация Камчатки вновь затормозилась, притом на долгий срок: с 1760-х по 1820-е годы. Офицеры, начальствовавшие над Камчаткой на протяжении нескольких десятилетий, как нарочно, инославные (служилые немцы), не испытывали к православию ни малейшего почтения. Это были совсем не казаки, горячие в их отношении к Богу. Напротив, судя по их деятельности, под маской

чиновного равнодушия таилась неприязнь к православной вере. Впрочем, и чистокровные русские начальники на Камчатке также, бывало, мешали трудам духовенства.

Дело миссионерства сдало важные позиции, завоеванные большим трудом при архимандрите Иоасафе и его сотрудниках.

Но в 1820-х годах положение духовенства и ситуация с работой миссионеров несколько улучшились. Появилось духовное училище из двух классов. Проповедническая свита прошла реорганизацию: вместо нее появилось Камчатское духовное правление (благочиние), в 1822 году переведенное из Нижнекамчатска в Петропавловскую гавань. При императоре Николае I на Камчатке строятся две новых церкви – в тех местах, где проживали в основном представители местных народов и требовались усилия миссионеров; обновляются старые, сильно обветшавшие церкви. В местах проживания оседлых коряков и на путях кочевок оленеводов были основаны опорные пункты (станы) для миссионерской деятельности. В 1839 году священники новых церквей крестили первых чукчей, кочевавших в этих краях. Вот это было почти что чудо! Воинственные, сплоченные, хорошо дисциплинированные чукчи на силу отвечали силой. Иной раз светское начальство хваталось за голову: да можно ли их смирить?! А вот на спокойное, разумно сказанное слово Божие чукчи шли со вниманием.

В 1840-х годах на Камчатке подвизался поистине великий миссионер, может быть, величайший из русских проповедников веры Христовой народам Сибири и Дальнего Востока. Его называют «апостолом Аляски и Сибири».

Это святитель Иннокентий (Вениаминов), поставленный 15 декабря 1840 года на Камчатскую, Курильску и Алеутских островов епархию[3].

Первое время он был занят миссионерскими трудами на Аляске и Алеутских островах. Но его энергичная миссионе-

[3] Выделена из состава Иркутской епархии как новообразование.

рская деятельность дошла и до Камчатки. К тому времени прежние плоды духовного просвещения оказались частью утрачены. Жившие там коряки и чукчи порой колебались в принятии христианской веры, а время от времени и прямо сопротивлялись ее распространению. Владыка Иннокентий увидел крайний недостаток хорошо образованных священников, готовых служить в дальнем краю и проповедовать тамошним коренным жителям. Он уговорил некоторых студентов Московской духовной академии отправиться с ним на Камчатку.

Приводя их на новое место, к жизни трудной, но честной и посвященной Христу, владыка внушал им: одних знаний мало, большое значение имеют благочестивая жизнь священника, его нелицемерное служение людям и Богу, трудолюбие, нравственные устои и любовь к пастве.

Лучшими в миссионерской «команде» святителя Иннокентия оказались два священника.

Это, прежде всего, родной брат владыки священник Стефан Попов, а также иерей Роман Верещагин. Первый из них настоятельствовал в Николаевском храме на реке Лесная (затем перенесен на реку Палана), начал крестить чукчей, что стало великим шагом в христианизации Камчатки. Он обучил коряков разведению домашнего скота, строительству домов, объяснил устройство печей. Вокруг его храма вырос целый поселок, куда камчадалы переселились из своих землянок и юрт. Второй же по воле владыки Иннокентия отправился в Анадырь, основал там Анадырскую миссию, крестил около 225 чукчей.

Но львиная доля миссионерской деятельности легла на плечи самого святителя Иннокентия. Ему пришлось объездить всю Камчатку, проповедовать Евангелие аборигенам, заниматься строительством храмов, открывать новые миссионерские станы. И при этом он, как правящий архиерей, должен был находить время и на устройство текущих епархиальных дел своей огромной епархии. А ведь она размерами своими далеко превосходила Камчатский полуостров, и, к тому же, простиралась и на труднодостижимые островные территории, да еще и на колоссальные пространства

Аляски. Таким образом, деятельность святителя Иннокентия на Камчатке была велика и многообразна. Архимандрит Закхей (Вуд) сказал о служении владыки Иннокентия: «Его любовь была самоотверженной и, что очень важно, деятельной. Святитель Иннокентий был не только проповедником и пастырем, он строил, врачевал, обучал грамоте, помогал обездоленным, и его проповедь стала успешной только потому, что его вера всегда выражалась в делах».

Что касается миссионерских путешествий[4], довольно рискованных и из-за пустынности края, и из-за скудости его, и из-за переменчивого отношения местных народов, то владыка Иннокентий совершил их четыре. Архиерей окраинных областей Российской империи преодолел десятки тысяч верст на санях, запряженных собаками и оленями, на телегах, лодках, парусных судах и пешком. Он побывал во всех сколько-нибудь значительных пунктах епархии.

По Камчатке он путешествовал в санях-«повозочке» с собачьей упряжкой. Останавливался везде, где жили представители местных народов, встречался с ним, спорил, доказывал преимущества Христовой веры, принимал жалобы, оценивал местное духовенство. По словам святителя Иннокентия, во всех храмах и часовнях, им посещенных, он совершал молебны и бдения, и после оных «предлагал поучения». Проповедовал Христа и веру Христову во всей селениях, через которые проезжал.

За время его пребывания на кафедре список камчатских храмов пополнился: владыка учредил Гижигинскую миссию во главе со священником Львом Поповым. В 1862 году на пожертвования гижигинского купца П. П. Брагина и при участии местных жителей в селе Маркове была возведена Свято-Николаевская церковь.

В письме от 21 мая 1851 года митрополиту Московскому и Коломенскому святителю Филарету (Дроздову) епископ Иннокентий сообщал, что «из всех разноплеменных инородцев,

[4] В которых решались одновременно и административные, и кадровые задачи, а не только миссионерские.

обитающих в пространстве Гижигинского округа, доныне просвещены св. крещением одни только Тунгусы (все до одного) и несколько Коряков… а с 1844 г. начали креститься чукчи, живущие вблизи реки Анадыри. Все же прочие инородцы... бродячие Коряки и другие, живущие оседло на берегах Берингова моря, между Олюторцами и устьев р. Анадыри, и даже Пареньцы и Каменцы… остаются еще во тьме и сени смертной… И потому, призвав в помощь Спасителя мира, я поручил вновь определенному к Гижигинской церкви священнику Льву Попову проповедывать Евангелие Корякам и прочим инородцам, обитающим в Гижигинском округе, делая для этого разъезды». С 1844 по 1851 год крестилось 2940 «чукоч обоего пола». Епископ отмечал изменения «на лучшее», происшедшие с 1843 года с коряками: они «стали кротче, приветливее и усерднее». Такой перемене более всех содействовал священник Лев Попов, «которого они очень полюбили».

На Камчатке из числа местных народов жили ительмены (камчадалы), олюторцы и эвены, почти повсеместно крещёные ко времени пребывания на полуострове святителя Иннокентия; коряки, более всего противившиеся крещению; а также чукчи, которых крещение пока едва коснулось. К последним двум из перечисленных народов владыка Иннокентий проявлял особенное внимание.

В Петропавловске ранее существовала семинария, но она закрылась. Вместо нее святитель Иннокентий открыл новую семинарию в Новоархангельске. Там же был возведен Свято-Михайловский кафедральный собор, церковь в архиерейском доме и церковь для тлинкитов в Новоархангельске, храмы в Кенае, Нушагаке и Куикпаке. Надо помнить, что при святителе Иннокентии Петропавловск еще не был городом кафедральной резиденции. Кафедра тогда перемещалась, как в ту пору выражались, «по надобности», и была изначально в Новоархангельске (на острове Ситха), затем в Аянске, Якутске, Благовещенске. И Камчатка оказалась в одном ряду с многочисленными иными территориями, которые правящему архиерею следовало посещать.

Одной из важных задач духовного просвещения святитель Иннокентий считал распространение пастырского окормления детей. По его мнению, детей следовало обучать при храмах, особенно из семей новокрещенов местных народов, преподавателями в этих храмовых школах должно было служить духовенство. И предполагалось не только преподавание в школьном смысле этого слова, но и нравственное наставничество, проводимое через «простые безыскусственные разговоры». 2 июля 1845 года владыка писал обер-прокурору Синода Н.А. Протасову, что задачей просвещения должно быть не только и даже не столько распространение грамотности, учености, сколько укоренение благочестия и благонравия среди детей. По его словам, «Измерение просвещения народного числом грамотеев, кажется, очень может быть ошибочно, потому что грамотность без нравственности у простого народа есть то же, что нож у своевольного ребенка. Кто, большею частию, является причиной различных расколов? – Безнравственные грамотеи. И, следовательно, кто опаснее для спокойствия Отечества? – Безнравственные грамотеи». Слова эти, кажется, и в наши дни не утратили правильности своей.

Владыка Иннокентий, как видно, вдохновлялся примером преподобного Сергия Радонежского и святителя Филиппа Московского: оба в бытность свою монашествующими не чуждались тяжелой ручной работы. Та же Н.В. Солодова, пишет о святителе Иннокентии, в частности, следующее: «Он учил мастерству ремесленному коренных жителей».

Изучив Камчатку со всей основательностью, узнав обычаи и трудности местных народов, архиепископ Камчатский Иннокентий составил «Особые наставления относительно учения, богослужения и обхождения с инородцами», состоящие из 33 пунктов. Документ для понимания того, как жила православная Камчатка, исключительно важный. Среди 33 пунктов, его составляющих, есть такие:

«Соблюдать посты так, как соблюдают обыкновенно... тамошние жители почти не могут по самой местности, и пост их удобнее может состоять не в качестве, но в количестве и времени употребления пищи.

Новообращающимся ни до крещения, ни при самом крещении... не позволять делать какие-либо подарки, дабы сие не могло быть для инородцев приманкою или поводом к различным ухищрениям.

Отнюдь не показывай явного презрения к их образу жизни, обычаям и проч., как бы они ни казались того стоящими. Путешествия предпринимать вовремя, т. е. когда жители тамошние бывают более свободны от промыслов зверей и рыбы, дабы неблаговременным путешествием не лишить выгоды инородцев.

Чтобы вернее и более быть полезным своим прихожанам, ты должен в непродолжительном времени узнать язык их, на первый раз, по крайней мере, до того, чтобы понимать… Старайся узнать обстоятельно их веру, обряды, обычаи, наклонности, характер и весь быт твоих прихожан… для того, чтобы вернее и удобнее действовать на них».

Наставляя священников, назначаемых для обращения иноверных, святитель Иннокентий внушал им завет бескорыстного служения.

Он внушает русским миссионерам своего времени, что от новообращающихся и новообращенных ни в коем случае не следует вымогать пожертвования для Церкви и на какие-либо иные богоугодные дела. Более того, не благословляется принимать от них подарки и даже вступать с ним в торговые отношения[5]. Миссионер должен быть чист. Всякое проявление корыстолюбия или даже подозрение в том, что этот порок может проявиться, -- губительны. Любые оговорки – от лукавого.

По словам святителя, «счастлив тот проповедник, пребывание которого у себя инородцы считают своим счастием». Не тот, кто внушает страх и гнев требованиями подарков, приношений, и, разумеется, не тот, кто угрожает силою

[5] Притом святитель Иннокентий не оговаривает, что подарки делятся на искренние приношения от полноты сердца и вынужденные дары, с его точки зрения любой подарок от крещаемого неуместен для миссионера.

русской власти наказать аборигенов, отказывающихся от подобной мзды за несправедливостью ее, а тот, кто приходит в их станы, храня душевную чистоту. Тот, кто вдохновлен одним только служением своим, полученным от Бога.

Таким образом, характерными чертами миссионерской деятельности святителя Иннокентия были твердая воля, бескорыстие и самоотверженность.

При святителе Иннокентии Камчатка подверглась иноземной агрессии. В 1854 году ее атаковала франко-британская флотилия. Противник высадил десант, с помощью Божией счастливо отбитый русскими, хотя захватчики значительно превосходили обороняющихся в численности. Со времен героической «Петропавловской обороны» (именно такое наименование закрепилась за событиями 1854 года) на Камчатке возникает военно-церковная мемориальная традиция: чтить храбрых ратоборцев 1854 года как православное воинство, исполнявшее долг защиты веры и отечества. В наши дни на территории Петропавловска существует мемориальный комплекс: братская могила защитников города и памятник-часовня, воздвигнутая при Николае II. Памятники отважным воинам стоят и в других частях города.

Значение святителя Иннокентия для христианизации Камчатки огромно, переоценить его невозможно. Однако, как пишут его биографы, после назначения в 1868 году владыки Иннокентия на Московскую кафедру, «…миссионерская деятельность на Камчатке пришла в упадок: активизировались шаманы, появились жертвенники и деревянные истуканы…»

Долгое время настоящей, полноценной замены святителю Иннокентию на Камчатке не было. Православная жизнь шла своим чередом, но всё же распространение ее на туземную часть камчатского населения вновь затормозилось, а кое в чем и утратило позиции, завоеванные Церковью прежде. Нет, не случилось полной катастрофы, провала, абсолютной утраты православия местными народами, но отступление – да, отступление налицо.

В 1892 году, казалось бы, Камчатка обрела добрую надежду: во епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского был поставлен епископ Селенгинский Макарий (Дарский). Он заслужил репутацию человека книжного, хорошо образованного. Закончил Московскую духовную академию, имел степень кандидата богословия. Современники считали его попечительным в делах духовного окормления паствы. К тому же, владыка Макарий занимался миссионерской деятельностью на протяжении многих лет: еще в начале 1880-х он возглавлял Иркутскую духовную миссию. Для Камчатки это был как раз тот человек, который мог вернуть проповедь Евангелия на должную высоту. Судьба его трагична. К несчастью, владыка Макарий простудился при обозрении своей громадной епархии, слёг и скончался 7 сентября 1897 года.

В завещании своем, стоя одной ногой на пороге смерти, епископ Макарий обратился к духовенству полуострова со словом любви и смирения: «Вверенной от Бога Камчатской пастве моей, а также людям Божиим, какие подчинены были моему духовному руководству за разное время моего служения, от моего недостоинства – мир, любовь и благословение навеки!»

Камчатка ждала нового великого миссионера. И в начале XX столетия дождалась.

В 1898 году Камчатская, Курильская и Благовещенская епархия была разделена надвое. В состав вновь учрежденной Владивостокской епархии вместе с 12 церквами Гижигинского и Петропавловского округов (благочиний) и Командорских островов вошли и 2 миссии: Гижигинская походная (Корякская) и Анадырская (село Марково). Епископской же кафедры на Камчатке не появилось.

Православная жизнь и в особенности миссионерская работа долго время текли вяло. Крещеные представители местных народов не ходили на исповеди и не принимали Причастия, избегали присутствия на богослужениях, постепенно забывая Закон Божий, молитвы, православные обычаи.

Всё изменилось с приходом нового великого миссионера – иеромонаха Нестора (Анисимова). Будущий святитель Нестор получил на миссионерскую деятельность благословение от св. Иоанна Кронштадтского. Иноческий постриг был им принят незадолго до отъезда на Камчатку в Казанском Спасо-Преображенском монастыре.

Он явился на Камчатку в 1907 году как настоятель гижигинского Спасского храма и миссионер Гижигинского благочиннического округа.

Отец Нестор счел своим долгом выучить языки своей потенциальной паствы. Не остановившись на этом, он перевел на корякский язык избранные молитвы, литургию, часть Священного Писания составил русско-корякский словарь и разговорник. На тунгусский язык он перевел молитву «Отче наш», заповеди Моисея и заповеди блаженства. Позднее к этой переводческой работе им будут подключены священники из числа местных жителей, и дело ускорится.

Довольно часто о святителе Несторе пишут как о великом церковном администраторе, т.е. одаренном организаторе и руководителе. Да, эти благие качества были ему присущи в полной мере. Но необходимо помнить: он сам, лично, чрезвычайно много ездил по Камчатке, беседовал с тунгусами, коряками, чукчами. Никогда не щадил себя и порой подвергался опасностям. Это был поистине неутомимый путешественник!

О таких поездках, как о каком-то, на взгляд человека из коренной России экзотическом, но на практике самом обычном в камчатских условиях деле, отец Нестор позднее вспоминал: «Обычно свои поездки к корякам, чукчам и тунгусам я совершал на нартах, запряженных собаками (от 12 до 20), или на оленях. Устройство камчатских нарт таково, что едущий в них находится, как в гробу, в лежачем положении, а каюр (возница) сидит в ногах пассажира и управляет собаками, привязанными к длинному ремню. Если собаки завидят какого-либо зверя, то несутся во всю мощь. Каюр в таких случаях не может с ними справиться, и нарты часто

опрокидываются, возница и седок скатываются в снег, а собаки уносятся в снежную мглу… Таковы трудности и опасности зимних дорог, но не лучше и летние дороги, когда можно ездить только верхом на лошади по узким тропинкам, преодолевая вброд бесчисленные реки, речушки, завязая в болотах, объезжая озера. Неважны и осенние и весенние дороги, когда по рыхлому снегу трудно бежать собачкам и приходится на лыжах идти впереди саней. Но всего хуже дорога по морскому льду. Мне часто приходилось переезжать Пенжинскую губу — залив в северной части Охотского моря. Лед на этой губе, застывший гигантскими морскими глыбами, представляет беспорядочную кучу огромных торосов, ущелий и опасных страшных трещин. Кроме того, благодаря приливам и отливам, внешний вид бухты постоянно меняется, что затрудняет ориентировку. Мне же приходилось по этой бухте проезжать и днем и ночью. Сани то взбирались наверх, то опускались вниз, попадая в многочисленные трещины… Зато как радуется сердце путника, когда истомленный страхом гибели в беспредельной снежной пустыне или среди страшных морских льдов завидит он вдали острожек или стойбище. Из юрт поднимается красноватый от пламени дым. Люди, собаки, олени копошатся возле юрт. Даже собаки, завидя жилище, мгновенно ободряются и, весело завывая, стремительно бегут к ночлегу. Уютным и приветливым кажется уставшему путнику отдых у костра. Убогое жилище туземца представляется путнику пределом комфорта и удобства…»

У святителя Нестора было особое отношение к местным жителям. Он, можно сказать, был полон энтузиазма по поводу их христианизации. Ловил каждую новую положительную черту в этом смысле, радовался ей, благодарил Бога. Его доброта к местному населению встречала ответную доброту со стороны крещаемых аборигенов.

Как отмечал святитель Нестор, «…за свою пастырскую деятельность я убедился в доброте, душевной простоте, правдивости, доверчивости и искренности этого народа. Когда я приезжал в их селения, они усыпали мой путь

кедровыми ветками, подстилали мне под ноги меха, а иногда даже брали меня на руки и несли бережно с приветствием: "Христос воскресе!". Они радостно и умиленно воспринимали богослужение и молитвы на их родном языке и с трогательным усердием молились. К каждому моему прибытию тунгусы расширяли свою юрту так, что в ней помещались для молитвы несколько сот человек. В зимнюю стужу приходилось совершать богослужения в облачении из оленьего меха. Посреди юрты горел дымный костер, дававший тепло.

Туземцы ласково повторяли:

— Ты наш добрый гость и отец!

Как-то мне пришлось совершать венчание двадцати пар желающих вступить в церковный брак. Богослужения среди коренного населения совершались редко, ибо от одного моего приезда до другого проходило значительное время, и многие подолгу оставались невенчанными, даже некрещеными».

Камчатское духовенство приложило немало сил, чтобы устроить просвещение местных народов. Ситуация с самым простым и примитивным обучением на уровне школы в отношении местных народов складывалась на Камчатке неблагоприятно. Даже в царствование Николая II, много сделавшего для распространения грамотности и школьного образования на низовом уровне, здесь хватало проблем.

Святитель Нестор позднее вспоминал, сокрушаясь сердцем: «Все виденное в тогдашней Камчатской области не удивляло, а ужасало меня. Для туземцев не было открыто ни одной школы, и среди них не было ни одного грамотного человека. Эти темные люди не имели никакого представления ни о науках, ни об обучении, и еще в мою бытность, в первые годы, когда я что-либо читал по книге или писал, они смотрели на меня с непониманием и удивлением, шептались между собой и, повидимому, считали меня ненормальным. Я твердо решил: с учреждением Камчатского братства (о нем речь пойдет ниже. – *Д.В.*), на пожертвования открыть ряд школ для детей оседлых племен, а для кочующих устроить школу с интернатом».

Благая мечта эта исполнится, Братство, действительно многое исправит, многому поможет.

Но с чего-то надо было начинать. Первый шаг – самый трудный. Занявшись этим великим делом, главный камчатский миссионер испытал немало разочарований, но трудами своими переломил неблагоприятную ситуацию.

По его словам, «…обрусевшее население камчадалов все же было счастливее туземцев, так как по Камчатке уже открывались школы. В Петропавловске были высшее, начальное и мною организованное второклассное училища. В нескольких больших селениях работали церковно-приходские школы. Для коряков же и чукчей первую школу открыл я. Напрасно я пытался в доступной для их понимания форме разъяснить, что такое грамота, для чего надо учиться. Не помогали и привезенные мною прекрасные наглядные пособия и красочные плакаты. Слова "школа", "грамота", "учение" были для них только отвлеченными, непонятными звуками. Тогда я решил пригласить некоторых родителей, свободных от охоты и домашних дел, наведаться в школу и присмотреться, как и чему обучаются их дети… Происходило это в селении Тилечики, куда я перевез прекрасные здания школы и приюта для детей кочующих туземцев. Эти дома строились во Владивостоке, и в разобранном виде с русскими рабочими я переправлял их на пароходе Добровольного флота. Когда школа была поставлена и открыта, тогда уже кое-кто из родителей, наконец согласился отдать своих детей на учение, а некоторые и сами пришли на занятия. Они с удивлением смотрели, как их дети учились читать и писать; взрослых поражало, как ребенок смотрит в книгу и произносит мудреные слова, затем что-то на бумаге царапает и опять говорит вслух… Наконец прошел учебный год. Дети оказались очень способными и понятливыми. К началу нового учебного года эвены и чукчи привели значительно больше детей, да и сами попросили разрешения учиться вместе со своими ребятами. Так на Камчатке возникла первая школа с обучением на русском и корякском языках. Огромной радостью для меня было то, что в конце концов и взрослые, и дети поняли, что такое грамотность и какая от нее польза».

Такое происходит лишь в одном случае: когда миссионер полностью и без остатка предан своему делу. И вот здесь начинается превращение личного дела миссионера или, вернее, его личного духовного подвига, в служение общественное, пастырское, поднявшееся на несравнимо более высокую ступень.

Отец Нестор добился открытия двух новых миссионерских станов, но мечтал о большем.

Прежде всего, требовалось объединение усилий всех миссионеров Камчатки, их централизация, т.е. создание системы на месте разрозненных элементов. И в 1911 году по его проекту была учреждена единая Камчатская Духовная миссия в составе четырех станов. Весной 1912 года иеромонах Нестор привез на Камчатку миро и частицы мощей для новых церквей. Вскоре он встанет во главе единой Камчатской Духовной миссии. За понесенные труды отец Нестор в 1913 году возводится в сан игумена. Уже тогда его стали называть «апостолом Камчатки».

Но перед холмом сделанного высилась гора несделанного. И как объять необъятное количество первоочередных задач? Сил мало, ресурсов мало, людей мало.

Понимая, что самостоятельно Камчатка со своими проблемами не справится, – ни с миссионерскими, ни с просветительскими – отец Нестор с большой энергией и упорством готовил создание православного братства, которое позволило бы организовать своего рода канал помощи маленькой православной Камчатке от всей громадной православной России.

Далеко не все разделяли его миссионерский энтузиазм. Раздавались и скептические голоса, а порой звучало и полное неприятие проекта. Иные чиновники открыто говорили ему: «Ни за что! Ни при каких условиях!» Сочувственно к его делу отнеслось августейшее семейство, действенную поддержку оказал сам император Николай II, принявший иеромонаха Нестора в Царском селе. Этот момент необходимо подчеркнуть: воля государева дала святителю Нестору силы и средства, чтобы достичь успеха в его многотрудном

предприятии. Если б не православная умудренность царя, как знать, возможно, пошли бы прахом надежды просветителя. Но Господь сделал орудиями своими и правителя, и священника; оттого славное дело совершилось, наконец, ко благу православной Камчатки.

Итак, Камчатское православное братство имя Нерукотворного образа Всемилостивого Спаса принесло колоссальную пользу христианизации края и его просвещению. Преодолев множество административных препятствий, отец Нестор добился его официального открытия в 1910 году. В цели Братства входило распространение веры Христовой среди местных народов Камчатки – тех, что еще не крещены; кроме того – просвещение представителей этих народов, во-первых, в духе православия, и, во-вторых, «на началах братского единения с коренной Россией, ограждение края от противоправославных влияний и насаждение там, во имя Православной Церкви и под ее духовным водительством, культурных условий и порядков, необходимых для оживленного развития и процветания края» (так сказано в Уставе Братства).

В эту организацию вступили сам государь Николай II с матерью и женой, цесаревич Алексей Николаевич (ставший официальным покровителем Братства), великая княгиня Елизавета Федоровна[6], целый ряд архиереев, обер-прокурор Священного Синода Владимир Карлович Саблер[7], приамурский генерал-губернатор, российские флотоводцы, возглавлявшие военные порты и флотилии на Дальнем Востоке. Всего же членами Братства стали без малого 3000 человек.

Братство собирало деньги, одежду, прочие полезные предметы по всей России. Оно вкладывало полученные сред-

---

[6] Вдова убитого террористами великого князя Сергея Александровича, основательница Марфо-Мариинской обители в Москве, будущая преподобномученица.

[7] Впрочем, В.К. Саблер проявил себя в истории с Братством не лучшим образом: он энергично противился его созданию, а потому вошел в Братство лишь по должностной обязанности, но не по склонности к просвещению на Камчатке.

ства на Камчатке в строительство храмов, школ, больниц, амбулаторий, детского приюта, богадельни для стариков из местных народов, колонии для прокаженных, на покупку всех предметов, необходимых для учебного процесса. Братство стремилось сделать миссионерскую работу на Камчатке повсеместной и как можно более интенсивной. Поэтому большие деньги шли на обеспечение миссионерских станов, устройство домов причта, строительство монастыря (так и не доведенное до конца[8]). Но чаще всего возводили храмы и школы – их строительство шло такими темпами, каких не знала прежняя Камчатка за всё время утверждения православия в этом крае!

Первая мировая познакомила всю Российскую империю с понятием «массовые потери». Огромные потоки раненых, контуженных, изувеченных на фронтах войны людей потянулись в тыл. Сам игумен Нестор побывал на полях сражений. Он организовал и возглавил санитарный отряд «Первая помощь под огнем врага», лично выносил с поля боя раненых, перевязывал их, утешал и организовывал отправку в лазареты. В конце 1915 года его отозвали с фронта, возвели в сан архимандрита, вновь отправили на Камчатку. Конечно, он не понаслышке знал о страданиях всех тех, кого война коснулась своим огненным дыханием. Отец архимандрит способствует тому, чтобы Братство щедро помогало раненым и семьям погибших. Кроме того, Братство жертвует деньги на устройство инвалидного дома во Владивостоке.

К 1917 году Братство стало процветающей организацией. Ему помогали, чем могли, жители всех концов России. Оно сделало невероятно много для христианизации местных народов полуострова и, можно сказать, к моменту, когда в России начался революционный потоп, эта задача в основном была решена. Камчатка поистине преобразилась! Те древние миссионеры, которые приходили с проповедью

[8] Туда даже направили монахов с материка, но трагические события революционного катаклизма уничтожили всякую возможность для существования иноческой обители на Камчатке.

веры Христовой на эту землю за сто и сто пятьдесят и двести лет до возникновения Братства, разве что в самых смелых мечтах могли представить себе подобный расцвет православия на полуострове.

Трудно переоценить заслуги отца Нестора. Ведь это вокруг его личности вращался главный вал миссионерской деятельности на Камчатке, приводивший в движение колеса и шестерни Братства Всемилостивого Спаса.

И вот в 1916 году он был хиротонисан во епископа Петропавловского[9]. Особая кафедра в Петропавловске доселе не существовала. Но ее создали как Владивостокское викариатство – во многом благодаря трудам и достижением отца, а отныне владыки Нестора.

Горько и страшно, рассказав о таком торжестве православия, которое осветило Камчатку светом неземным в начале XX столетия, переходить к рассказу о падении Христовой веры. Но кого Бог любит, тому посылает испытания. А дав испытание, не оставляет без надежды. Такова судьба доброго христианина: с верой в Бога, надеждой на Его милость, с любовью к ближним проходить через такие гастроли преисподней на земле людей, что заранее и помыслить невозможно.

Милостив к нам Бог.

---

[9] Позднее (в том же 1916 году) кафедра стала именоваться «Камчатская и Петропавловская».

Глава 2. Спуск в сумерки. Православная Церковь на Камчатке в годы Гражданской войны и в советское время

Советская власть шла на Камчатку медленно. В конце 1917 года тут возникли свои советы, но продержались они недолго. Уже через несколько месяцев их убрали с политической сцены казаки и сторонники порядка. 1918 год прошел спокойно. С 1919 года Камчатка подчиняется правительству Колчака. В начале 1920-го верх взял пробольшевистский «военно-революционный комитет», совершивший переворот, потом опять пришли белые и опять установился относительный покой. Правда, в условиях мощного военного присутствия Японии. Одно время даже высказывались планы создать на Камчатке независимую демократическую республику, но им не суждено было осуществиться. Осенью 1922-го белые эвакуировались с полуострова. На Дальнем Востоке существовали устойчивые правительственные режимы белых, притом, по сути своей деятельности, они были склонны к христианскому консерватизму и монархизму. Лишь осень 1922 года подвела черту под этим относительно мирным существованием.

На протяжении нескольких лет Гражданской войны церковная иерархия и церковные общины могли еще в какой-то степени сохранять возможность спокойного существования – как в дореволюционные времена. Храмы не закрывали, тем более, не взрывали, не отдавали под магазины, клубы, свинарники. Там регулярно происходило богослужение, люди исповедовались, причащались, принимали брачный венец…

Итак, ноябрь 1922-го – время окончательного установления новой революционной власти на Камчатке. И, совершенно так же, как и на «большой земле», в остальной части Сибири и Дальнего Востока, в коренной России, почти

одновременно с переходом власти к большевикам начались утеснения Русской Церкви. Правда, конец 1922 и 1923 год прошли под знаком новой вспышки вооруженной борьбы на Дальнем Востоке: пылало Восточно-Сибирское (Якутское) восстание против жесточайшего режима большевиков, корпус белых во главе с генералом А.Н. Пепеляевым высадился в Аяне (до Камчатки – рукой подать, по сибирским масштабам!), попытавшимся поставить близлежащие территории под свой контроль. Сначала им следовал успех: Пепеляев занял, помимо Аяна, также Охотск, Нелькан, Амгу. Но к лету 1923 года его отряды потерпели поражение, белый плацдарм оказался ликвидирован.

Последняя отсрочка для нормальной церковной жизни закончилась.

Важно понимать: до середины 1923 года у советской власти до Церкви руки не доходили, она была занята элементарным выживанием в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Церковная жизнь продолжалась по инерции. Но, учитывая высокий духовный авторитет священников у местного населения, новая власть должна была начать с ними расправляться, и, в конце концов, начала – как и везде в России. На Камчатке переворот в церковной политике большевиков произошел в 1923—1924 годах. Под разными предлогами начали производиться аресты. А дальше – суды, лагеря, расстрелы…

Репрессии против камчатского духовенства продолжались с перерывами от 1923 до 1932 года. Притом с течением времени наказания за выдуманные преступления для священников ужесточались.

Данные, собранные камчатскими историками Церкви складываются в пугающую мозаику большой трагедии.

Твердо известно, что священник Петропавловского собора о. Николай Петрук был осужден на три года заключения.

Священник Толбачикской церкви о. Максим Ощепьев получил три года концлагеря.

Священник Усть-Камчатского прихода иеромонах Рафаил (Ощепьев) был приговорен к пяти годам концлагеря.

Священник Мильковской церкви о. Павел Ворошилов получил десять лет концлагеря с высылкой семьи из Дальневосточного края.

Священник Петропавловского собора, благочинный камчатских церквей о. Леонтий Яковлев…

Священник Крагинской и Паратунской церквей о. Александр Архангельский…

Священник Преображенской церкви на острове Медный о. Пимен Петраш…

Благочинный Камчатской епархии архимандрит Рафаил (Васильев)…

И так далее, и так далее, и так далее.

Под карающий молот советских органов правопорядка попадали, помимо священников также псаломщики, учителя приходских церквей, просто прихожане, составлявший местный «актив» православной общины.

Камчатка, как уже говорилось выше, знала и расстрельные «дела». Так, приговор «расстрелять» прозвучал в отношении псаломщика Корякской церкви Полиевкта Васильевича Слободчикова, псаломщика Паланской церкви Вячеслава Николаевича Лонгинова (сына священника), псаломщиков Облуковино-Вознесенской церкви Кирьяка Васильевича Верещагина и Афанасия Федоровича Климовского…

Конечно же, приведенные имена, приговоры, трагедии – лишь часть той бездны, которая разверзлась на Камчатке. Историкам еще исследовать и исследовать архивы 1920-х – 1930-х годов, выявляя имена пострадавших до конца, до последней убитой за веру личности. Эта работа может продлиться очень долго, но она обязательно должна быть завершена.

О беззакониях во время арестов рассказывает в своей мемуарной книге Евдокия Лангбурд «Дорога в полтора века». Автор пишет о диаконе Большерецкой церкви, представителе известной династии камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых: «…И вот новое село Кавалерское…

И когда начало строиться новое село, то люди решили, что легче работать вместе. Сначала родилась рыбартель, а потом оформили как колхоз. Первым председателем единогласно избрали моего отца Александра Ворошилова, ставшего руководителем и душой села. А ближайшим его помощником стал Николай Константинович Логинов. Колхоз в молодом селе Кавалерском рос и набирал силу. Быть бы ему вскоре на первом месте в районе, но пришла новая беда. Начались аресты. Искали врагов народа. То в одном, то в другом доме по ночам зажигался свет, слышались рыдания жен и матерей, громкий плач испуганных детишек. Такова уж жизнь. Успехи одних вызывают у других черную зависть — страшного врага человечества… Разбираться было некогда, да и не было такого указания. "Взять!" — и все. И уходили в неведомое лучшие люди. За подлость никто не отвечал… С берега не уходили с рассвета до поздней ночи. По вечерам на берегу горели плошки с нерпичьим жиром, давая, хотя и не яркий, но все же свет. Трудились все — от мала до велика, работали, не разгибая спины. Даже маленькая Леночка собирала в ведерки икру и молоки. Надо было успеть за короткое и такое дорогое время заготовить рыбу: от этого зависела жизнь семьи. Рыбу солили, сушили на юколу, коптили балыки, делали икру. На речке Карымчиной уже заполняли рыбой глубокие ямы, засыпая их доверху землей — это корм собакам на зиму. Семья Николая Константиновича успела выполнить задание сельсовета, теперь надо успеть для себя заготовить. Но ночной стук и грубый окрик: "Открывайте! Живее пошевеливайтесь!" — не только разбудил, но и поломал все планы, да и всю жизнь семьи Логиновых. В открытую дверь вломились двое военных и за ними представители советской власти. Пряча глаза, вошла Зоя Бречалова (семье Бречаловых, не вылезавшей из бедности из-за пьянства отца, Логиновы всегда помогали. И Зое было неловко, она даже не успела снять юбку, подаренную ей тетей Пашей), за ней шел Павел Уксусников, которому Николай Константинович помогал в учебе. Но теперь и Зоя, и Павел видели в Николае Логинове и даже в его детях врагов народа, только врагов.

Был еще кто-то из комитета бедноты, не могли вспомнить. Обыск длился до рассвета. Все перевернули, многие вещи попортили. Так с дорогих икон варварски сорвали, а потом и украли золотые и серебряные оклады, якобы для проверки: не спрятано ли что-нибудь за иконами. Оголенные иконы бросали на пол, а были это иконы XVII-XVIII веков, оклады незаметно куда-то исчезали. Белье и одежду выбрасывали из сундуков, на пиджаках и пальто ножами разрезали подкладку, да так, что ее потом и пришить было невозможно. У Логинова были старинные церковные книги в кожаных переплетах с бронзовыми застежками. Это был подарок старого настоятеля из Спасского монастыря, бывшего преподавателя семинарии. Логинов очень дорожил этим подарком и с болью и ужасом смотрел, как обращались с драгоценными книгами эти изверги и дикари… Одежда, белье, посуда, книги, кухонная утварь — все сбрасывалось в кучу, рвалось, ломалось, приходило в полную негодность. Но Николая это уже не трогало. Он думал только о детях. А дети с ужасом смотрели на происходящее: они не могли понять, что же это такое? Старшие знали об арестах в селе и понимали, что беда пришла и к ним. Девочки, Мила и Лена, пытались спрятать кукол. Но один из представителей сказал:

— Положите на место, девочки. Теперь это не ваше. И платья тоже положите. Другие возьмете, старенькие. Вам далеко придется ехать.

— Куда? Детей куда? — глухо, прерывающимся голосом спросил отец.

— Пока не знаем. Запросили город. Там есть детский дом.

Кеша рванулся к отцу:

— Папа, не надо в детдом! Ни за что не соглашайся. Мы будем дома тебя ждать. Мы справимся. Ты… ты надейся. Будем ждать тебя.

— Папа, — закричал Виталик, — мы же все умеем делать, прокормимся, проживем!

И снова грубый голос:

— Вот что, пацанва. Не проживете! Нечем будет у вас жить. Все ваше хозяйство конфискуется. Передается государ-

ству. А там, как решат. Может, колхозу отдадут, а вещи беднякам, — и зачитал какую-то бумагу: "Конфискации подлежит дом с хозяйственными пристройками, скот, оружие, дорогие вещи: мебель, ковры, дорогая одежда, меха, собачьи упряжки и лошади с упряжью, нарты и баты, сети и охотничьи принадлежности…", — так что дом у вас будет пустой и через несколько дней его передадут переселенцам с побережья».

Жестоко пострадал епископ Камчатский Нестор (Анисимов), о котором уже заходила речь в предыдущей главе. Как уже говорилось, он был хиротонисан во епископы в октябре 1916 года.

В числе немногих иерархов епископ Нестор не принял Февральскую революцию, считая ее происками врагов России. В 1917–1918 годах он участвовал во Всероссийском Поместном Соборе и выборах святого патриарха Тихона. Как пишут о нем биографы Александр Караулов и Валерий Коростелев, «После большевистского переворота, в разгар октябрьских революционных событий в Москве, владыка Нестор ходил с санитарной сумкой по улицам ночного города и, пренебрегая опасностью, подбирал раненых, оказывая им медицинскую помощь. По благословению Собора, как член комиссии по фотографированию и описанию повреждений, нанесенных Кремлю большевиками, епископ Нестор издал обжигающе-обличительную книгу "Расстрел Московского Кремля", признанную важнейшим документом эпохи. В этот же период владыка становится вдохновителем и организатором единственной искренней попытки (к сожалению, неудачной) спасения царской семьи. В марте 1918 года владыка впервые был арестован большевиками и около месяца находился в заключении. На свободу он был выпущен только под давлением Поместного Собора и верующих. Тогда на защиту молодого архипастыря встала вся православная Москва».

На Камчатку он вернулся длинным кружным путем: через Киев, Одессу, Крым, Турцию, Сирию, Египет, Индию и Китай. Старшие чины Доброфлота помогают ему в его

странствия. Однако возвращение епископа в свою епархию закончилось трагедией. Новые власти не терпят его, фактически владыка оказывается в изгнании.

Он оставил краткое, исполненное горечи и печали свидетельство о том, как утратил навсегда Камчатку: «Я, благодарный всем и за все, добрался до Петропавловска-Камчатского, где исполнил все епархиальные дела, много служил, и на следующем пароходе, прибывшем в Петропавловск, имел возможность пройти по Восточному побережью Берингова моря, посетив камчатские селения, где так радостно меня встречала моя паства. Я крестил давно приготовленных к принятию Православия дорогих моих детей природы, оказал посильную помощь походной аптекой больным и отправился в обратный путь. Увы! Наш пароход не пустили в Петропавловск, так как там происходило восстание… Так больше мне и не пришлось вернуться на мою любимую, дорогую Камчатку. Но сердце мое осталось там, среди любимых мною камчадалов. И молитва моя неугасима за всю Камчатскую землю со всеми ее туземцами».

Обратный путь на Камчатку начался осенью 1918 года и занял больше трех месяцев. Пробыв какое-то время у епархиальных дел в 1919-м, владыка Нестор оказался фактически выдворен с места своего служения, и произошло это, очевидно, в начале 1920 года. Именно тогда, с января 1920-го, распоряжаться Камчаткой начал «военно-революционный комитет». Эту дату, январь 1920-го, предлагает в качестве завершающей в камчатском служении епископа и директор Музея истории Православия на Камчатке и в Русской Америке, историк, краевед А.И. Белашов.

Таким образом, последний камчатский период в деятельности владыки Нестора занял около года или, может быть, несколько менее того. В 1922 году совещание Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) определило на его место о. Даниила (Шерстенникова)[10], быв-

[10] Номинально в 1922 году, до о. Даниила, делами епархии недолгое время управлял (епископ Якутский и Вилюйский Софроний (Арефьев)).

шего благочинного камчатских церквей. Но в 1923 году и его арестовали, обвинив в сопротивлении изъятию церковных ценностей. На Камчатку он больше никогда не вернется: ему предстоят заключение, затем краткий период архиерейского служения в Восточной Сибири, потом опять арест, лагеря, ссылка, смерть на Онежской земле. Обычная, в сущности, биография архиерея первых десятилетий советской власти…

Официально Петропавловская и Камчатская епархия будет закрыта решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 1945 года. Ее включат в состав Восточно-Азиатского церковного округа (затем экзархата), главой которого станет… владыка Нестор.

Поэтому вернемся к хитросплетениям судьбы епископа Нестора, весьма почитаемого на Камчатке в наши дни.

Тогда, в 1920-м, Владыка Нестор уходит в белый Харбин (Маньчжурия), где основывает Камчатское подворье, а позже Дом милосердия и трудолюбия, «благодаря деятельности которого удалось сохранить тысячи жизней взрослых и детей, попавших в круговорот гражданской войны». Трудами владыки на территории Дома милосердия были построены церковь и часовня-памятник венценосным мученикам.

В Русской Православной Церкви Заграницей епископ Нестор много занимался миссионерской работой и был возведен в сан архиепископа. Очень хорошо понимая богоборческую природу советской власти, владыка всё же установил с Московской патриархией связь в годы Великой Отечественной войны. Церковь не может быть в расколе и Церковь должна быть со своим народом, вот две мысли, которые подтолкнули его к отважному деянию. Летом 1945 года, еще до начала советско-японской войны, владыка Нестор открыто поминает на богослужении имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. «По его инициативе все харбинские архиереи подписали обращение к Патриарху Московскому с просьбой принять их и паству под свой омофор. В августе 1945 года архиепископ Нестор вместе с другими русскими жителями Маньчжурии радуется приходу

армии-освободительницы и встречается с ее командованием».

В 1946 архиепископ Нестор был возведен патриархом Алексием I в сан митрополита. Он оказывается во главе Харбинской и Маньчжурской митрополии, и, кроме того, патриаршим экзархом по Восточной Азии (куда, как уже говорилось выше, попала и Камчатка… к тому времени полностью «очищенная» от православных храмов).

Однако взаимоотношения Русской Церкви советского государства никогда не были ровными. За периодом относительного благополучия (середина – вторая половина 1940-х) последовало новое «похолодание». И, соответственно, возобновились репрессии против священников и архиереев, пребывание которых на приходах и кафедрах большевики терпели в условиях войны и послевоенного восстановления, когда Церковь потребовалась им как «мобилизующая сила». Тех, кого давно числили в качестве недоброжелателей коммунизма и советского государственного строя, репрессии коснулись в первую очередь. Среди них оказался и владыка Нестор.

Как сообщают его биографы, 14 июня 1948 года, в день намечавшегося выезда из Харбина в Москву на празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, «…владыка неожиданно был арестован китайскими властями и депортирован в СССР. Особым совещанием при МГБ СССР архипастырь был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. В вину владыке поставили издание книги “Расстрел Московского Кремля”, а также его церковную и общественную деятельность в период эмиграции. Наказание он отбывал в мордовских лагерях для содержания особо важных государственных преступников – Особлаге № 3 (Дубравлаге). Но тяжкие годы заключения, когда приходилось страдать от изощренных пыток, издевательств и унижений, не сломили воли архипастыря. После освобождения в 1956 году владыка назначается митрополитом Новосибирским и Барнаульским. Это была крупнейшая в Русской Православной Церкви епархия, включавшая в то время

территорию Новосибирской, Томской и Кемеровской областей, Красноярского и Алтайского краев, а также Тувинской АССР (почти 20% территории СССР)».

В хрущёвскую эпоху владыка Нестор – уже очень немолодой человек, у него серьезные проблемы со зрением, не сгибается коленный сустав. К тому же, значительную часть правления Н.С. Хрущёва заняли новые гонения на Церковь, немногим уступавшие тотальному истреблению духовенства в конце 1920-х – 1930-х годах. Тем не менее, владыка Нестор бестрепетно и энергично проповедует веру Христову. Он даже ездит в далекие лесные поселки и деревни, неся Истину. Он борется против закрытия храмов, столь обычного в хрущёвские годы.

В декабре 1958 года он назначается управляющим солнечной Кировоградской и Николаевской епархией, по всей видимости, из снисхождения к его возрасту и состоянию здоровья. Здесь он опять неутомимо «толкается» с безбожными властями, препятствуя закрытию храмов и ликвидации приходов. Его пытаются оклеветать в статье на страницах журнала «Огонек», но архиерей с достоинством обличает клеветников.

Скончался митрополит Нестор 22 октября / 4 ноября 1962 года в Москве, незадолго до того издав прекрасную, вдохновенную книгу воспоминаний. Рукопись ее три с лишним десятилетия ходила по рукам в виде стопки машинописных листков. Лишь в 1995 году вышли из печати два томика: «Мои воспоминания» (с добавлением писем) и «Моя Камчатка: записки православного миссионера».

Биографы владыки Нестора сообщают: «Петропавловская и Камчатская епархия возбудила ходатайство перед Священным Синодом Русской Православной Церкви о прославлении просветителя камчатских народов митрополита Нестора в лике святых».

Как бы ни горьки были земные судьбы мучеников и исповедников Русской Церкви в XX веке, а плод их деяний сладок: себе они стяжали Дух Святой, а тем, к кому обращена была их проповедь словом и делом, досталось вдоволь света Господня.

Горше вспоминать о другом. История Церкви на Дальнем Востоке страшна, притом православная Камчатка «удостоилась» одного из самых трагических маршрутов на общем пути сохранения веры в условиях жесточайших гонений от безбожной власти. Весной 1924 года в Камчатской губернии действовало 20 церквей, 27 часовен и 2 молитвенных дома. По другим данным, даже больше: 35 церквей и 29 часовен. К началу Великой Отечественной войны не осталось ни одной…

По словам епископа Петропавловского и Камчатского Игнатия (Пологрудова), ныне настоятеля храма св. Николая Мирликийского в Дербенёве (Москва), «Камчатка была первым регионом в послереволюционный период, о котором Троцкий сообщил в Москву, что с Православием здесь покончено окончательно… А дальше началось нечто невообразимое: за несколько лет все 50 храмов и часовен были уничтожены; все помещения, всё то, что было создано камчатскими миссионерами, было уничтожено, и Камчатка была объявлена первым антирелигиозным регионом России. А вновь открылся первый православный храм только в 1984 году, и тут Камчатка оказалась одной из последних, потому что во всех остальных регионах храмы уже существовали и действовали. И когда в 1985 году сюда был назначен священнослужитель, работы ему предстояло сделать – непочатый край. Доходило даже до того, что в некоторые дни приходилось крестить до 500 человек. Этому священнику – Ярославу Левко, ныне протоиерею, пришлось милостью Божией совершить удивительный подвиг: по нашим скромным подсчетам, за все 20 лет своего служения Церкви и Богу он крестил около 80 тысяч людей»[11]. Маленькая община верующих, образовавшаяся на Камчатке при Брежневе, долго и самоотверженно добивалась официальной регистрации. Разрешение дали, действительно, только в 1984-м, да еще и с формулировкой «в порядке исключения». Да и небольшой молитвенный дом, полученный ею, нельзя назвать

[11] По данным на осень 2021 года уже более 100 тысяч человек.

храмом: настоящий храм начнут строить лишь в 1989-м, а первая служба пройдет в нем на Рождество 1992 года.

Из малого семени вырастает великое дерево… Так и судьба маленького молитвенного дома, упомянутого владыкой Игнатием, дома, много лет собиравшего верующих, а потом превратившегося в храм, явилась для Камчатки концом одного времени и началом другого. Она как бы подвела черту нескольким десятилетиям ненормальной жизни – без Бога, без веры, вне Истины.

Эпоха гонений, испытаний, свирепости, тьмы для православия на Камчатке завершалась. Начиналось, медленно, трудно, но все же набирало ход новое время – эпоха возрождения православия.

Или, как говорят современные церковные публицисты, «второго Крещения Руси».

Таким образом, советская эпоха – поистине юдоль скорби для православной Камчатки. Христианство здесь уничтожали и «заравнивали» с невиданной методичностью и полным равнодушием к духовным традициям народа. Но всякому запустению кладет Бог предел, когда найдется в запустевшей земле хотя бы малое число праведников.

Глава 3. Выход к свету. Возрождение Православия на Камчатке. Церковь в наши дни

Как по всему СССР, так и на Камчатке чрезвычайно важной датой стало 1000-летие Крещения Руси. Власть сделала навстречу Церкви несколько шагов, и Церковь наконец-то вздохнула свободнее.

В начале 1990-х чуть ли не каждый год (а то и по две в год) регистрируется появление новых и новых общин верующих в деревнях и селах Камчатки. В 1993 году возрождается любимое детище владыки Нестора – Камчатское православное братство во имя Нерукотворного Образа Всемилостивого Спаса.

В этом же году происходит поистине историческое событие. После семидесяти лет отсутствия православная Камчатка наконец-то вновь обретает собственного архиерея. Во епископа Петропавловского и Камчатского рукоположен архимандрит Нестор (Спасай), притом для Камчатки он – владыка Нестор. И в тождестве имен высокочтимого епископа, при котором православие начало закатываться на Камчатке, и нового епископа, пришедшего способствовать его возрождению, многим виделся добрый знак.

Ныне (начало 2020-х годов) в составе Петропавловской и Камчаткой епархии два монастыря, 33 храма (включая домовые), 14 часовен – не считая молитвенных домов, комнат и иных малых помещений для молитв. 11 храмов строятся. Положение Церкви уже сравнимо с временами царствования Николая II и апостольских подвигов святителя Нестора (Анисимова)/ Настоящим большим новшеством православной Камчатки стало иночество. Две обители ныне являются средоточием православного монашества на крайнем востоке России. Обе достойны особого внимания.

Дореволюционная Камчатка сияла подвигами миссионерской направленности, но монашеством была скудна. Еще

при Петре I была основана пустынь в честь Успения Пресвятой Богородицы с богадельней и мастерскими. Устроил ее, как уже говорилось выше, И. Козыревский, видный человек среди ранних проповедников христианства на Камчатке. Однако она просуществовала недолго. Святитель Иннокентий Камчатский предполагал устроить иноческую обитель в Нижнекамчатске (там когда-то и была учреждена Успенская пустынь), видя в этом месте наилучшие условия для учреждения монастыря: река изобильна рыбой, берега ее богаты прочнейшим строевым лесом, много сенокосных мест и возможно разведение скота, -- так всё здесь было в середине XIX столетия. Этим проектом был увлечен и владыка Нестор (Анисимов). Но, как сколько-нибудь устойчивое явление, монашество на Камчатке не состоялось вплоть до XXI века.

Ученое монашество немало потрудилось здесь на благо утверждения Христовой веры. Но оно, большей частью, занималось своим служением при архиерейских домах, духовных миссиях, миссионерских станах, духовных училищах. Пребывание монашествующих при специально устроенных обителях в церковной истории Камчатки – явление исключительно редкое.

Положение коренным образом изменилось в XXI столетии. То, что на Камчатке зажегся светильник иночества, чего прежде не было, с одной стороны, -- духовное ободрение для тех, кто держит на своих плечах свод православия в трудных условиях пограничного края России, а с другой, -- своего рода гарантия прочности для здания веры, возводимого здесь заново.

Первый из монастырей нашего времени на Камчатке – женский, освященный во имя иконы Божией Матери «Казанская». Он появился в начале XXI столетия (дата основания на ряде официальных церковных сайтов 2001-й, но официальное решение Синода относится к 2005 году), и расположен ныне в черте города Елизово. Обитель образована трудами, молитвами и попечением архиепископа Петропавловского и Камчатского Игнатия Игнатия. На его

месте была маленькая Свято-Серафимовская община женщин, работавших на послушании при архиерейском доме. Изначально они жили на территории расформированной воинской части противовоздушной обороны, размещались в здании казармы, имели скудное садово-огородное хозяйство. Впрочем, такова судьба многих иноческих общин России трех последних десятилетий: поднимались как гадкие утята, а выросли и поднялись в небо духовное прекрасными лебедями монашеских обителей.

Важную роль в создании монастыря сыграли монахиня Серафима (Дубинина) монахиня Маркелла (первая настоятельница), а также светские благотворители. Монахиня Маркела полетела на остров Залит к старцу Николаю Гурьянову. И он благословил назвать храм и монастырь в честь Казанской иконы Божией Матери, чтобы дальние восточные рубежи нашей страны Матерь Божия охраняла и была Заступницей Усердной всех здесь живущих, всего Камчатского края, всей страны.

Настоятельница монастыря, матушка игуменья Александра (Шумская), когда-то переведенная на Камчатку из Серафимо-Дивеевского монастыря, вспоминала о первых годах, проведенных ею на Камчатке: «В 2005 году Священный Синод, по ходатайству владыки Игнатия, постановил и дал благословение на открытие женского монастыря впервые за 300 лет Православия на Камчатке. И я стала, по-моему, первой монахиней на Камчатской земле. Наши сестры рассказали интересный случай. Меня постригали 14 сентября, было церковное Новолетие, и был вечер, накануне дня преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских, основателей монашества на Руси. И сестры говорят, что солнце играло как на Пасху, такая была красота и благодать, вся природа ликовала, что здесь начинается монашеская жизнь. Вот так по милости Божией и всех святых и блаженной юродивой Екатерины, которая всю жизнь меня вела до этого места и ведет дальше, потому что без молитв наших духовников идти по жизненному пути трудно, и ее молитвами, я здесь до сих пор сижу и делаю то, что Господь

благословляет, по своим немощам и силам, и Господь помогает через людей и сестер».

Ныне монастырь очень хорошо благоустроен, там красивая деревянная церковь, освященная во имя Преображения Господня и новый келейный корпус.

Духовная связь с Серафимо-Дивеевским монастырем здесь не оборвана. Устав Казанской обители составлен по подобию правил Серафимо-Дивеевского монастыря. Среди святынь обители – икона преподобного Срафима Саровского с частицей его мощей, чтимый Казанский образ, ковчежцы с частицами мощей преподобных Дивеевских сестер Александры (Мельгуновой) и Елены (Мантуровой). Недалеко от обители расположен святой источник, освященный в 2001 году в честь Казанской иконы Божией Матери.

Второй после Казанского женского монастыря -- Свято-Пантелеймонов мужской монастырь. Обитель расположена на берегу Авачинской бухты, в Петропавловске-Камчатском. Место, где она стоит, -- удивительно красивое: прямо перед монастырем море вздымает волны, а вдалеке открывается величественная гряда гор. Природа здесь напоминает о величии Божьем, проявившемся через Творение мира.

Маленькая община собиралась в частном доме в районе Сероглазка еще на закате XX века. Восхождение от общины, питающейся своим трудом, на скудных огородиках, к настоящему монастырю было долгим и трудным, отняло много лет. Официальное решение об образовании монастыря поступило от Священного Синода Русской Православной Церкви лишь в 2007 году, на Рождество Христово.

В 2011 году, во время поездки на Валаам, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл поддержал решение Петропавловского епископа Артемия (Снигура) сделать Свято-Пантелеймонову обитель миссионерским центром, из которого миссионеры направлялись бы в те места, где их служение наиболее важно и востребовано в данный момент.

В монастыре появился новый братский корпус, открылась воскресная школа, построен величественный Морской собор во имя архистратига Божиего Михаила – главы святого воинства ангелов. Морской собор представляет собой храм-мемориал в память всех моряков и рыбаков, не вернувшихся из моря. Там хранится частица мощей св. Феодора Ушакова, вождя православных воинств на морях, воителя за веру и отечество. Внутри храма установлена доска с именами: «Вечная память не вернувшимся из моря. Моряки, работники рыбной промышленности, умершие, утонувшие, погибшие и пропавшие без вести при исполнении служебных обязанностей».

Ныне в Свято-Пантелеймонове монастыре хранится большая святыня: мироточивая икона Божией Матери «Неупиваемая чаша».

При монастыре существует небольшой деревянный Всехсвятский скит, расположенный в поселке Термальный. Рядом с ним – горячие ключи. Неподалеку от скита стоит село Паратунка, поэтому его иногда называют «Паратунский скит». Именно сюда по благословению Святейшего Патриарха с Валаама были направлены иеромонах Герман, иеромонах Игнатий, инок Кирилл – заниматься просветительской деятельностью. Владыка Артемий, встречая пополнение, преподал им свое пастырское наставление: «Край, в который вы прибыли потрудиться во Славу Божию, край прекрасный и люди здесь открытые и добрые. Но как сказал Господь Иисус Христос: “Жатвы много, а делателей мало”. Духовное окормление людей и станет вашей основной заботой. Главное для вас сохранить единый монашеский дух, важно, чтобы не возникло в монашеском общежитии разладов и разделения».

Неправильным было бы считать, что свет иноческой жизни – единственное ярко-позитивное явление в духовной жизни православной Камчатки. Таких явлений много, просто саженцы монашества, — может быть, наиболее удивительное явление на земле, почти не знавшей иноческого делания.

Конечно же, Камчатка, как и всякая другая православная область России, прошла через долгое и трудное время строительства новых и восстановления дореволюционных храмов, притом где-то – даже не реконструкции, а воссоздания почти что с нуля. Приходилось нелегко.

Так, например, старейшая церковь Камчатки, а именно Нижнекамчатский Успенский храм (здание которого относится к XVIII столетию), долгое время пребывала в аварийном состоянии. Советские власти превратили храм в кинотеатр, некоторое время он вообще находился в заброшенном состоянии. Между тем, и сама церковь, и место, где она стоит, поистине исторические. Нижнекамчатский острог, на территории которого расположена Успенская церковь, был заложен в 1704—1706 годах на берегу реки Камчатки русскими казаками и в течение многих лет оставался центром жизни полуострова. Отсюда в 1728 году ушла в плавание Первая Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга, а с 1740 года здесь строились суда, на которых русские промышленники осваивали Алеутские острова и Аляску… По материалам масс-медиа в качестве объекта реставрации храм был крепким орешком: «Церковь пришлось поднимать домкратами, чтобы заменить прогнившие балки и закрепить конструкцию. Здание обработали специальным составом, который будет сохранять дерево в сложных погодных условиях. Завершающим этапом работ стали монтаж нового иконостаса и оформление внутреннего убранства церкви. Все деревянные элементы резьбы, подсвечники, поставцы, двери выполнены руками мастеров усть-камчатского деревообрабатывающего цеха. При этом тщательно подбирались порода и цвет дерева, чтобы сохранить исторический вид убранства церкви».

Трудно шло и воссоздание Свято-Троицкого кафедрального собора в столице региона. Само слово «восстановление» в данном случае было бы неточным. В Петропавловске не осталось дореволюционных храмов, разве что сохранилась мемориальная часовня 1912 года,

сооруженная у братской могилы русских воинов, погибших при обороне Петропавловска от англо-французских интервентов в августе 1854-го. Ни церковного здания собора, ни даже развалин, сколько-нибудь сохранившихся и поддающихся реставрации, просто не осталось. Речь идет о строительстве, что называется, «с нуля» и по новому проекту. Можно говорить лишь о восстановлении самой идеи соборного храма на земле Камчатской столицы. В 2000 году был создан Попечительский совет, куда вошли и представители администрации Камчатской области, и городское руководство Петропавловска, финансисты, предприниматели, известные деятель культуры. Почетным председателем стал Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Осенью 2001 года начались строительные работы, и продлилась эпопея воздвижения храма целое десятилетие. Архитектурный проект предполагал возведение поистине грандиозной постройки, но дело его реализации затянулось… Происходил сбор пожертвований. Для росписи собора были приглашены мастера из Волгодонска и Сергиева Посада. Группу церковных живописцев возглавил член Союза художников России Александр Таничев. Последние работы в части убранства собора пришлись на 2010 год…

В наши дни пятиглавый собор святой Троицы, могучий богатырь, величественный ковчег благодати, высоко вздымающийся над окрестными кварталами, -- одно из лучших украшений города.

Нынешний, новый собор – больше и прекраснее прежнего, дореволюционного. История старого собора, «погибшего» в советскую эпоху, трагична и, в то же время, характерна для времен господства безбожной власти. Красивым был собор во имя Святых апостолов Петра и Павла, стоял он рядом с городским садом. Его построили и освятили в 1826 году, затем не раз перестраивали. Заново собор был построен в 1873 году и в 1874 году освящен. Как сообщает камчатский историк-краевед А.П. Пирагис, собор «…представлял собой одноэтажное деревянное здание,

построенное из досок и выкрашенное белой краской. Крыша было покрыта черепицей. Над папертью стояла двухэтажная колокольня. Именно таким… видим собор на старинных фотографиях. О нем не забывали рассказать путешественники, посещавшие город в конце позапрошлого века и века минувшего. В 1935 году в здании бывшего собора был размещен кинотеатр "Полярная звезда". Еще в начале 1950-х годов напротив памятника Ч. Кларку, рядом с кинотеатром среди тополей бывшего Завойкинского сада стояло одноэтажное здание, в котором находился гидрографический отдел Камчатской военной флотилии. С его двора вела лестница на трибуну, обращенную на улицу Ленинскую. В революционные праздники на трибуне во время проведения демонстраций тружеников города стояло руководство области и города. Переулок, соединявший улицу Ленинскую с улицей Советской в этом районе, назывался 8 Марта. Кинотеатр сгорел в начале 1950-х годов и на его месте, и на месте дома гидрографии было построено здание (1956), которое занял Камчатский обком КПСС… Площадь перед собором называлась Церковной (Соборной). В 1923 году ее переименовали в Советскую, но это название не прижилось».

Что ж, появление нового собора – одна из самых светлых страниц в истории православной Камчатки постсоветского времени. Немало трудов на это славное дело положили святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II, а также епископ Петропавловский и Камчатский Игнатий (Пологрудов). Освятил собор святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл, в 2010 году посетивший Камчатку (тогда же произошла закладка храмов в Палане и на командорах).

В соборе находится икона блаженной Матроны Московской с частицей ее мощей – дар патриарха Московского и всея Руси Кирилла при освящении им собора.

Владыка Игнатий (Пологрудов) учредил первую в военно-морских силах России корабельную церковь – на опытовом судне Тихоокеанского флота «Камчатка». Церковь

освящена в честь иконы Божией Матери «Порт-Артурская». Незадолго до того владыка Игнатий по благословению Святейшего Патриарха Кирилла совершил переход подо льдами Северного Ледовитого океана в составе экипажа атомного подводного крейсера «Томск», выполняя обязанности духовника и корабельного священника. А в 2005 году были подписаны договоры всех Дальневосточных епархий с экипажем атомного подводного крейсера «Святой Георгий Победоносец» о попечительстве Русской Православной Церкви над его экипажем.

Ну и, конечно же, сама история региона взывает к тому, чтобы обновить на Камчатке старую славу евангельской проповеди. Разумеется, сейчас вести ее сложнее, чем в XIX или начала XX века. Тогда миссионер должен был бороться с невежеством, преодолевать языковой барьер, приспосабливать свои усилия к жизни местных народов. Теперь тут все знают русский, все получают школьное образование, хватает и людей с образованием вузовским. Однако семь десятилетий «высоконаучного» атеизма в духовной сфере дают себя знать. Да и веяния новейшего времени, например, мода на шаманизм, возникшая совсем недавно, портят жизнь миссионеру. Такого препятствий миссионеры старых времен не знали…

Но, как говорится, «глаза боятся, а руки делают». В начале XXI века владыка Игнатий (Пологрудов) организовал ежегодный выезд миссионерских экспедиций приходского духовенства на север Камчатки, в национальные районы Корякского АО и на Командорские острова. Участники экспедиций сочетали функции миссионеров с обязанностями приходских священников, а также с благотворительной деятельностью. В 1999 году появился Духовно-просветительский центр. А в 2011 году, уже при епископе Артемии (Снигуре) была поднята программа строительства 20 храмов (при поддержке Правительства Камчатского края и губернатора Владимира Илюхина) а также образован Миссионерский отдел. Священники-миссионеры

трудятся в Пенжинском, Олюторском, Карагинском, Тигильском районах. Создаются стационарные миссионерские станы в поселках Палана, Оссора, селе Тиличики. На Командорских островах есть Свято-Николаевский храм в котором на данное время служит священник Владимир Миронов.

Современных камчатских миссионеров вдохновляет пример двух великих проповедников веры Христовой на этой земле, подвизавшихся в старину. Это, прежде всего, святитель Иннокентий (Вениаминов) и владыка Нестор (Анисимов). Почитание их на Камчатке в наши дни стоит высоко. Священник Андрей Близнюк выразил это искренне чувство, разделяемое многими иереями Камчатской земли, в нескольких строках: «Сейчас, когда в нашей Церкви происходит возрождение миссионерского служения, нам особенно дорог бесценный опыт апостола Сибири и Америки свт. Иннокентия… Ярким примером самоотверженного апостольского служения встает перед нашим взором образ святителя Иннокентия. В нем почерпаем и мы драгоценный опыт служения Господу».

Епархия участвует в общецерковных просветительских проектах. Здесь ежегодно проходят Рождественские международные образовательные чтения. А в марте 2018 году на Камчатке открылась книжная выставка «Радость Слова». Ее Камчатская епархия провела совместно с Издательским советом Русской Православной Церкви при участии Ассоциации книжных издательств и торговых организаций «Православная Книга».

В приветственном слове к участникам викарий Камчатской епархии епископ Вилючинский Феодор (ныне архиепикоп Петропавловский и Камчатский) сказал: «Мы живем в век информационных технологий, где существует множество способов передачи информации. Люди порой страдают от избытка информации, которая очень часто меняет психологию человека. Но все мы знаем, что книга была, есть и будет основным способом передачи знаний. Книга способствует духовно-нравственному развитию человека,

формированию его личности, помогает найти место в огромном и сложном мире. Формирование духовной личности невозможно без чтения Священного Писания, творений святых отцов и без соприкосновения с огромным пластом творений отечественных подвижников». В рамках выставки состоялась конференция «100-летие возобновления Патриаршества в России и новомученики Российские», посвященная периоду первосвятительства Патриарха Тихона, а также демонстрация фотогалереи «Афон. 1000-летие присутствия русского монашества на Святой горе Афон». Прошли встречи с лауреатами Патриаршей литературной премии протоиереем Николаем Агафоновым и Виктором Николаевичем Николаевым.

300-летию Православия на Камчатке общим решением Святейшего Патриарха и Председателя Правительства России был придан статус общецерковного и всероссийского праздника (2005). В Петропавловске был воздвигнут шестиметровый бронзовый памятник святым апостолам Петру и Павлу. А в Москве, в Православном Свято-Тиховновского гуманитарном университете состоялась научно-богословская конференция «300 лет Православия на Камчатке». Материалы конференции вышли отдельной книгой, и в настоящем издании они широко используются. Дружба и доброе сотрудничество с ПСТГУ принесли добрые плоды и в иной сфере. Хотя на Камчатке пока нет собственной духовной семинарии, зато еще на исходе 1990-х тут появилось заочное отделение Православного Свято-Тихоновского института[12].

В 2008 году в Петропавловске установлен бронзовый памятник святому Николаю Мирликийскому.

Кроме того, на Камчатской земле появился прекрасный плод духовного энтузиазма – епархиальный Музей истории Православия на Камчатке и в Русской Америке (2000). Его основателем и первым директором был Артур Изосимович Белашов – настоящий подвижник своего дела.

---

[12] Ныне Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Вышла в свет История Петропавловской и Камчатской епархии с начала XVIII века – солидный трехтомник. Материалы этого издания использованы и при составлении настоящей книги, за что автор ее, пользуясь случаем, искренне благодарит его творцов.

* * *

То, что сейчас происходит на Камчатке, можно назвать новой зарей православия. Требует здесь Бог великого труда, но и дарит великие надежды.

Приложение. История учреждения и изменения статуса Петропавловской и Камчатской епархии[13]

Учреждена в 1840 году: выделена из Иркутской епархии, самостоятельная. Именовалась: Камчатская, Курильская и Алеутская; с 1858 года: Камчатская, Курильская и Благовещенская. Местонахождение кафедры: Новоархангельск (остров Ситха), Аянск, Якутск, Благовещенск-на-Амуре.

В 1898—1899 г. разделена на Благовещенскую и Владивостокскую епархии. Камчатка вошла в состав Владивостокской. Местонахождение кафедры: Владивосток.

В 1916 году возобновлена как Владивостокское викариатство. Именовалась: Петропавловская; с 5 сентября 1916-го: Камчатская и Петропавловская. С 1922 года самостоятельная. Существовала до 1924 года, позднее архиерей туда не назначался. Местонахождение кафедры: Петропавловск.

Приблизительно с 1925 года по 1945-й существует в виде Камчатского подворья в Харбине («Скорбященский храм и Дом милосердия»).

1946—1993 годы: епархия не существует.

С февраля 1993 года восстановлена как самостоятельная, выделена из Магаданской епархии. Именуется: Петропавловская и Камчатская. Местонахождение кафедры: Петропавловск-Камчатский. С декабря 2018 года епархией управляет архиепископ Феодор (Малаханов), в сан архиепископа возведен в 2019 году.

---

[13] Использованы данные Пантелеймона Николаевича Грюнберга: *Грюнберг П.Н.* Краткий очерк истории устроения Петропавловской и Камчатской епархии // 300 лет православия на Камчатке. Миссия Церкви в прошлом и настоящем: Материалы научно-богословской конференции. М., 2005. С. 182—184.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ
И УПРАВЛЕНИЯ ИМЕНИ К. Г. РАЗУМОВСКОГО (ПКУ)

Дмитрий Володихин

ПРАВОСЛАВИЕ НА КАМЧАТКЕ. МЕЖДУ КАЗАКОМ И СВЯЩЕННИКОМ

Макет и вёрстка *Дарья Каптур*

Издательство «Снежный Ком»
ИП Штепин Дмитрий Вадимович
ОГРНИП 318774600524067
skomm.ru
Email: contact@skomm.ru

Подписано в печать 31.05.2026. Формат 84×108 1/32
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.
Бумага офсетная. 2,8 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.